

§ 3. История глазами географов: первые описатели Курского наместничества

«География по отношению к человеку — не что иное, как История в пространстве; точно так же, как История является Географией во времени».

*Элизе Рекаю.
Человек и Земля.*

«В доме Эронда столько карт — неужели ты ни в одну так и не заглянул?»

*Дж. Р. Р. Толкиен.
Властелин колец. I, 1, 3.*

Важным этапом становления русской науки об исторических древностях стали, по удачному определению А.А. Формозова, «учёные экспедиции Академии наук», предпринимавшиеся на протяжении XVIII столетия, да и позднее во исполнение просвещённых заветов Петра Великого. В том числе — его приказа о сборе разных редкостей для Кунсткамеры и записи всяких сведений о памятниках старины. Историко-археологические данные мыслились тогда как часть географического описания страны, условие познания её вновь и окончательно обживаемых русскими южных и северо-восточных окраин. Наука о прошлом, таким образом, включалась в состав практики — государственного освоения завоёванных, обустраиваемых хозяйственно, но почти не известных центральной власти пространств молодой империи. Задача узнать о том, что было раньше на этих окраинных землях, кто и как их заселял, оставалась поначалу, понятное дело, второстепенной по сравнению со сведениями геологическими, географическими, демографическими, экономическими, политическими, военными, но вместе с тем как-то проясняла и все эти утилитарные задачи.

Предпосылки такому взлёту историко-географической мысли обнаруживаются ещё в XVII веке. Имеется в виду, прежде всего, так называемая *«Книга — большой чертёж»*. Это текстовое описание (легенда) старейших планов местности в пределах Московского государства подытоживало накопленный к началу Нового времени русскими людьми картографический опыт¹. Составили сей документ в 1627 году служилые специалисты Разрядного приказа (того самого, что занимался, в частности, и находками кладов). Это произведение можно считать отправной точкой

---

¹ См.: Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 75–77; Фролов А.А.. Возникновение русского картографического чертежа и восприятие пространства в Московской Руси XV–XVI вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 50–59.

дополнения практических, денежных оценок разных древностей научно-познавательными сведениями о них же.

Одним из ведущих авторов Большого чертежа считается курянин *Афанасий Иванович Мезенцев*. В начале XVII века он служил в родном городе подьячим и по поручению здешнего воеводы начинал межевание и топографическую съёмку Курска, восстанавливаемого тогда как центр укрепленного района. Затем способный чертёжник и рисовальщик был командирован в Москву, в картографический отдел Разряда. После тамошней выучки Мезенцев опять служит на периферии — в родном Курске, а также Белгороде, Орле. И, наконец, звёздный час его карьеры — снова работа в Разряде, на сей раз — над тем самым Большим чертежом.

Тот представлял собой уточнённую Мезенцевым со товарищи копию некой старинной карты времён Бориса Годунова, в конец обветшавшей и устаревшей по своему содержанию ко времени правления Михаила Фёдоровича Романова. Кроме того, Мезенцевым было изготовлено продолжение новой генеральной карты применительно к расширяемым тогда южным границам Российского государства — чертёж «от царствующего града Москвы Резанским и Северским и Польским городом», что примерно соответствует нынешним Орловской, Курской, Белгородской и Воронежской областям.

В 1628–1633 годах Афанасий Иванович опять служит на родине — «подьячим с приписью» к курскому воеводе, то есть заместителем этого последнего. «В это время, — отмечает биограф способного «курченина» Г.А. Хабургаев, — в Разряд был прислан чертёж Курска — самый ранний из известных нам чертежей города, автором которого, несомненно, был А.И. Мезенцев»². Первый курский и российский картограф последний раз упоминается документами за 1736 год.

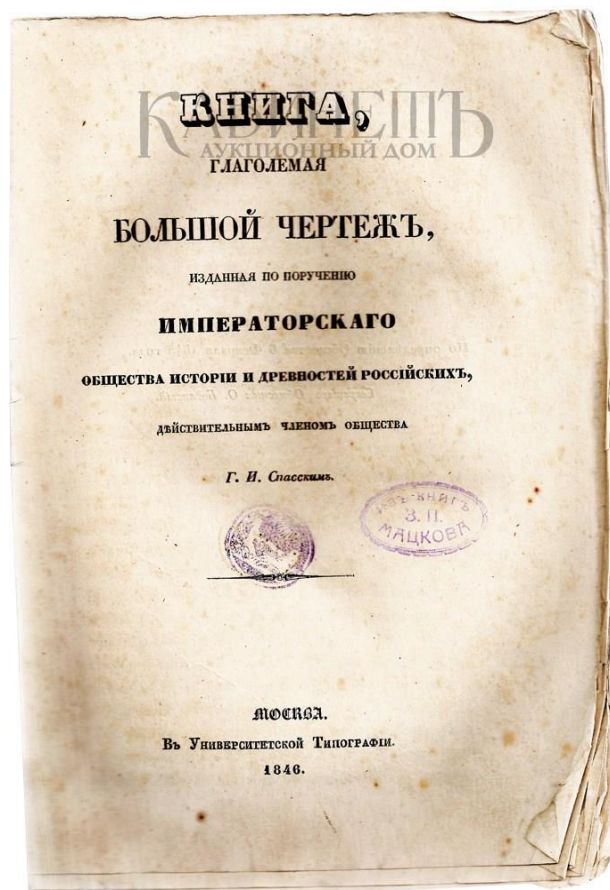
Курское происхождение главного автора Большого чертежа способствовало подробности и реалистичности отражения в нём реалий южнорусской географии начала XVII века. Картографирование тогда преследовало сугубо практические цели, прежде всего военные и экономические. На мезенцевских планах, помимо населённых пунктов, дорог, рек и прочих общегеографических объектов, особо выделялись заслонённые крепостями рубежи; сильные и слабые стороны русской обороны против периодических вторжений крымских да ногайских татар; торные пути-сакмы и речные переправы, броды их воинственной конницы. Сам общегосударственный чертёж XVII века до наших дней не сохранился, но текст-легенда к нему в течение этого и последующих столетий неоднократно переиздавался, использовался в прикладных, образовательных и научных целях.

Интересующие современного историка и археолога сведения из данной «росписи полю» относятся, во-первых, к архаичной и во многом утраченной

---

² Хабургаев Г. Замечательный географ начала XVII в. // Курская правда. 1955. № 209. 3 сентября. С. 4.

впоследствии топонимике; а во-вторых, к упоминаниям самих по себе городищ, курганов, рвов и некоторых других искусственных земляных сооружений, не все из которых, в свою очередь, дожили до времени составления специальных археологических карт в XX века, или же пока остаются не разведанными современными археологами.

■ Первое научное издание «Большого чертежа».

Фото с сайта cabinet.auction.com.

Лот аукционного дома «Кабинет». Стартовая цена — 50–60 000 рублей.

Вот, например, одна из типичных для «чертежу» ориентировок (по Курскому краю): «А на Семи татарова перелаз(ли) Семь реку ниже Курска 40 вёрст, под Городенским городищем, и на том татарском перевозе ныне деревни Рыльского уезду, а сторожа от татар на Городенском городище стоит из Курска»³. Это сообщение документа послужило ключевым источником для решения вопроса о месте и времени восстановления Курска как российского города после татарско-литовского периода истории Днепровского Левобережья⁴. Авторитетный специалист по исторической

³ Книга Большому чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. М.–Л., 1950. С. 102.

⁴ См.: Щавелёв С.П. Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Секция «Историко-культурная и природная среда исторического города. Археология. Экология». Нижний Новгород, 1999. С. 10–15; *Его же*. Курск в

географии, воронежский профессор Владимир Павлович Загоровский (1925–1994) относил обновлённый в то время Курск как раз к этому самому Городенску, что противоречит ясным указаниям Большого чертежа того времени.

На «старом чертеже» заметна подвижка топонимических имён — их ранние варианты ещё перемежаются здесь с окончательно утвердившимися в русском языке. Взять хотя бы «Курескъ» и «Курск»; «Тускор», «Тускур» и «Тускорь»; тому подобные связки топонимических синонимов. Разночтения же при их наложении на карту местности были связаны, как видно, с тем, что это делалось впервые, составителям не на что было опереться в географической терминологии, кроме народной молвы; а также с использованием старых легенд к обветшавшим планам, в свою очередь разноречивых.

Кроме сохранившихся до сих пор и обследованных в своё время учёными археологических памятников (многие «курганья» и почти все городища; вроде тех, что «выше Миргородка на Псле городище Старое ..., а выше Старого на Псле городище Новое, от Старого вёрст с 7, а выше Нового городища 10 вёрст городище Гадское, Галичья тож»⁵), Большой чертёж сохранил сведения и об утраченных уже ко времени своего составления особенностях местного рельефа, связанных с древней историей края («А промеж речки Кура и речки Обмети сверху Колодезя Механи Валки, от Курска 12 вёрст, промеж лесов исстари бывал ров, а ныне по Валкам надолбы по вестем татарским, как идут на Русь; ... а выше города Курска у посаду от острогу от старова рву ... Княжой лес. А под Соколею дубровою Соколей курган, от города 15 вёрст, а город видить...»⁶ с его вершины).

Для историко-археологической реконструкции ближней и дальней округи Курска, как, впрочем, и остальных центров Южной Руси, такого рода сведения весьма ценны. Ведь территория города Курска и всех его соседей по Центральному Черноземью за эти триста лет выросла многократно и поглотила, перемолола распашкой да строительством древние стоянки, курганы, городища, селища и все остальные памятники старины глубокой.

С двумя из отмеченных Большим чертежом городищ почти в то же время оказался связан эпизод, весьма показательный во всех рассматриваемых в этой книге отношениях. Хроникальные, так сказать постлетописные «Записки» Знаменского монастыря, что в самом центре Курска, упоминают, в частности, такой случай: «В 1650 году игумен его

«Списке русских городов, дальних и ближних» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Материалы межгосударственной научной конференции (Брянск, 13–14 мая 2003 год). Брянск, 2003. С. 75–78.

⁵ Книга Большому чертежу... С. 109. Очень похоже, что тут речь идёт об известном многим нынешним курянам Фагоре и Горнали, городищах на реке Псле, которые находятся в визуальном виду украинского уже Мирополья, ныне села, а не городка, как во времена Большого чертежа. Об этих городищах речь у меня пойдёт ниже, при рассказе о раскопках Д.Я. Самоквасова; а затем А.В. Кузы; наконец, В.В. Енукова с коллегами.

⁶ Книга Большому чертежу... С. 105 (примечание).

Никодим отыскал на старом городище, отстоящем от города Курска в 15 верстах, близ речки Рати, в земляном валу от древности вшедшие в землю, неведомо чьи палаты, с которых, по осмотру курского воеводы князя Ивана Михайловича Волконского ⁷, снят был план и послан к Государю Царю и Великому князю всея Руси Алексею Михайловичу; после чего, по указу его Царского величества, на постройку церкви Знамени Божией Матери в Курске, курскими разного звания людьми, с оных палат ломан был кирпич и дикий камень» ⁸.

Это постлетописное известие — настоящая сенсация русской истории и археологии!

*Раскопки Ратского археологического комплекса экспедицией В.В. Енукова. 2015 год.
Фото с сайта ГЛПРК Курск*

Чтобы вполне оценить значение *ратского эпизода* как (без преувеличения) уникального индикатора развития отечественной культуры на переломе важнейших её эпох — от Средневековья к Новому времени, надо вспомнить тогдашнюю обстановку в городе и вокруг него. Курский уезд, включая вотчины того самого монастыря иконы Божьей матери Знамение, только что пограблен агрессивными крымчаками: «... Дворы монастырские, и служки, и крестьянские, и бобыльские дворы и гумна, и хлеб в кладех в прошлом ... году татарове пожгли, а на полях рожь и всякий

---

⁷ Иван (Меньшой) Михайлович Волконский (Жмурка) (? — 1678) — окольный и воевода; в 1651 году на воеводстве в Курске.

⁸ Цит. по: Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 48.

яровой сеяной хлеб потравили и потолочили и во всём разорили без остатка»⁹, — отмечено в писцовой книге 1645 года. Последовавшее в 1648 году в Курске восстание жестоко подавлено; расследовавший его обстоятельства стольник Василий Васильевич Бутурлин присудил к смертной казни и повесил пятерых бунтовщиков, а остальных из схваченных участников восстания подверг телесным наказаниям, заключил в тюрьму.

*На «Арке дружбы народов» в Киеве (1982 года сооружения)
в центре рядом с Богданом Хмельницким
боярин Василий Бутурлин. Фото из украинской Википедии.*

Не успела жизнь курян возвратиться в мирную колею, как их архиерей осматривает окрестности города хозяйским, почти краеведческим взглядом, помимо всего прочего, замечая памятник древнего зодчества. Точнее, руины памятника. Уже несколько поколений местных жителей равнодушно миновали эти развалины, по масштабу и облику — своего рода «чернозёмные Микены» (на мощных, свыше десятиметровой высоты валах — остатки дерево-земляных укреплений; за ними — развалины церкви древнерусских времён, а может быть и мавзолея, не то мечети периода монгольского баскачества тут в XIII–XIV веках). Налицо богатый склад строительных материалов для восстановления курских зданий, прежде всего церковных. Но главный начальник, присланный из столицы замирать «бунташный» город, знает об интересе царского двора к таким древностям,

---

⁹ Акты XVII–XVIII веков, извлечённые А.Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 106–108.

располагает специалистами для их точного описания (независимо от решения о практическом использовании находки); спеша удовлетворить историко-археологический интерес Москвы, не ленится лично осмотреть памятник, куда ему ехать полдня, да ещё на «татароопасном» направлении. Царь оперативно отвечает курским службистам на их сообщение о находке живописных развалин — составив по присланному ими плану представление насчёт найденного объекта, разрешает разрушить его в богоугодных целях.

Налицо устойчивый интерес представителей центральной власти к историческим древностям, причём уже не только драгоценным. Об этом интересе уже хорошо известно представителям придворной элиты. Значит, в их присутствии самодержцы и их ближнее окружение уже имели дело с какими-то древностями, обсуждали некую старину. Однако что делать с этими, случайно найденными древностями и зачем нужны сведения о них, монарх и, тем паче, его подданные пока сознают смутно. Но ведь — впервые в отечественной истории — проявляют этот, по сути археологический, познавательный, а не сугубо меркантильный интерес!..

В Курске организуется своего рода «воскресник» коллективного безвозмездного труда по доламыванию явно плинфовой ¹⁰ архитектуры ради строительства новой церкви, где точно будет кому и какие грехи отмаливать. Нельзя исключить, что мудрый игумен Никодим и затеял-то всё это дело с перемещением тяжелых грузов за двадцать вёрст не просто из соображений экономической выгоды, а с попутной и подспудной целью сплотить своих прихожан разных сословий после кровавого раздора между ними, дать возможность новому воеводе заработать авторитет в глазах и курян, и самой царской власти столь благочестивым мероприятием, как возведение нового храма взамен обветшавшего.

Как бы там ни было, но если искать поневоле условное, но **начало** не только курской региональной, но и общерусской **археологии**, то **разведка и зарисовка развалин древнего города на Ратском городище в самой середине XVII столетия** вполне подойдёт на роль столь знаменательной вехи.

Сохранись воеводский план до наших дней в делах Разряда (что не исключено), он был бы чрезвычайно ценен — и для самой археологии, представители которой вот уже полтора столетия изучают Ратское городище (сборы Д.Я. Самоквасова в 1870-е; Г.И. Булгакова в 1920-е; Ю.А. Липкинга в 1960-е гг.; разведки И.И. Ляпушкина в 1947-м; Э.А. Сымоновича в 1961-м; П.Г. Гайдукова в 1978-м; А.В. Кашкина в 1982-м; раскопки В.В. Енукова в

---

¹⁰ *Плинфа* — тип домонгольского кирпича стандартных размеров, который шёл почти исключительно на церковное строительство. Моё предположение о залежах плинфы на Рати основывается на визуальных впечатлениях от находки её фрагментов на заброшенной мельничной плотине, расположенной прямо под городищем, в старом русле реки Рати. Такую же плинфу Ю.А. Липкинг ранее привозил оттуда же в курский краеведческий музей. Однако ни его хранители, включая ветерана музейных фондов В.И. Склярука, ни начальник Ратской экспедиции В.В. Енуков до последнего времени не удосужились атрибутировать столь специфические находки.

1990–1992-м, а затем в 2010-х годах; сокрушительные набеги «чёрных археологов» на этот же памятник в конце 1990-м – начале 2010-х годов); и особенно для истории отечественной науки и культуры, поскольку речь идёт едва ли не о первом известном нам применительно к Европейской России специально археологическом чертеже; документе, прямо посвящённом памятнику старины (отмеченная в предыдущем разделе книги «инструкция» для раскопок костей «волота» писана на тридцать с лишним лет позднее и относится скорее к палеонтологии, чем к исторической археологии).

Откуда «подул историко-археологический ветер» при московском дворе, рассудить нелегко. Алексею Михайловичу Романову на момент запроса о Ратских развалинах минул 21 год. Решающее влияние на ход государственных дел оказывает тогда его воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Патриарх Московский и всея Руси Никон начинает реформу богослужения. До приезда сюда хорвата Юрия Крижанича, воспитанного иезуитами в Риме для миссионерства на Востоке славянского мира, остаётся ещё несколько лет. Об интересе образованных западноевропейцев к античным развалинам и прочим памятникам истории¹¹ московские царедворцы могли узнать понаслышке, в ходе дипломатических визитов и поездок по торговым делам в чужие страны. Эпоха Возрождения, научная революция начала Нового времени в Западной Европе не слишком явно, но в известной степени, мало-помалу отразились на представлениях верхушки русского общества¹².

Может быть, имелись и некие внутренние импульсы к зарождению историко-археологических интересов на русской почве. Обстоятельства как достаточно традиционные — летописно-книжного характера, домостроевского одобрения «добрых старых времён», славных предков; так и особенно актуальные на тот момент соображения престижа, манифестации легитимности новой династии московских государей. Во всяком случае, эпизоды, подобные тому, что произошёл с курским городищем на Рати по относительно свежим следам его превращения из густонаселённого города в памятник археологии, заслуживают дальнейшего исследования, способного конкретизировать наши представления о культуре допетровской Руси и путях становления отечественной науки.

Некие предпосылки для будущего формирования гуманитарного знания на заре Нового времени содержала практика административного управления и хозяйствования на вновь присоединённых к русскому государству землях юго-востока Центрально-Европейской равнины. Разные типы официальных документов XVII столетия — делопроизводственные «столбцы» Поместного и других приказов; чертежи отдельных объектов военного значения (особенно планы крепостей, включая курскую¹³;

---

¹¹ См.: *Немировский А.И.* Нить Ариадны (Из истории классической археологии). Воронеж, 1989. С. 12–16.

¹² См. подробнее: *Чёрная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.

¹³ См.: ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 172.

писцовые книги разных уездов; и тому подобные документы донесли до нас кое-какие историко-археологические известия. Разумеется, это проявления ещё не научного, а общечеловеческого, житейского интереса к разного рода необычным вещам и явлениям, начиная с явно старинных.

Так, писцовая книга Обоянского уезда за 1692 год многократно поминает деревню Липовец — возможный топонимический сколок Липовечского удела в Курском княжестве XIII века; а также речки Рать и Туровку, имеющие прямое отношение к летописному сюжету про антимонгольское восстание того времени. А вот деревня Артюшкова Курского уезда назвалась так только с 1685 года, а прежде, если верить той же писцовой книге, именовалась селом Чирицким¹⁴. На его территории располагаются славянские памятники VII–X веков новой эры — колочинский курганник и роменское городище (в раскопках первого объекта экспедицией В.В. и О.Н. Енуковых в 1990-е годы автор принимал участие землекопом). Таким образом, упоминаемый участок побережья Сейма оказался непрерывно заселён на протяжении последних полутора тысячелетий.

При всей разнопрофильной информативности Большого чертежа и меньших по формату географических документов того же времени, они не ставили перед собой задачи специально выделять из местности памятники истории и культуры. Как мы с читателем уже могли видеть на примере курского кладоискательства и градостроительства, «XVII век ещё спокойно смотрел на разграбление тысяч курганов и уничтожение городищ для добычи селитры. Проблему регистрации и охраны археологических памятников поднял только XVIII век»¹⁵, согласно верному заключению А.А. Формозова.

При Петре I и его непосредственных преемниках во главе России создаются условия, появляется своего рода идеология для познания исторического прошлого России, разных её краёв. Хотя на первом плане у инициаторов систематического описания страны стояли задачи физической и социально-экономической географии, интересы классической науки не были ими забыты. Выдающийся историк и государственный деятель Василий Никитич Татищев, руководивший с 1737 года составлением генеральной ландкарты России, в инструкциях геодезистам требовал указывать происхождение названий, и вехи прошлых судеб того или иного населённого пункта или целого «предела»¹⁶. В составленной им подробной анкете, призванной собрать с мест сведения для «сочинения истории и географии Российской», на первом плане находились археология и этнография¹⁷.

В аналогичной инструкции М.В. Ломоносова из 13 вопросных пунктов по крайней мере три носят интересующий нас оттенок: «1. Город чем

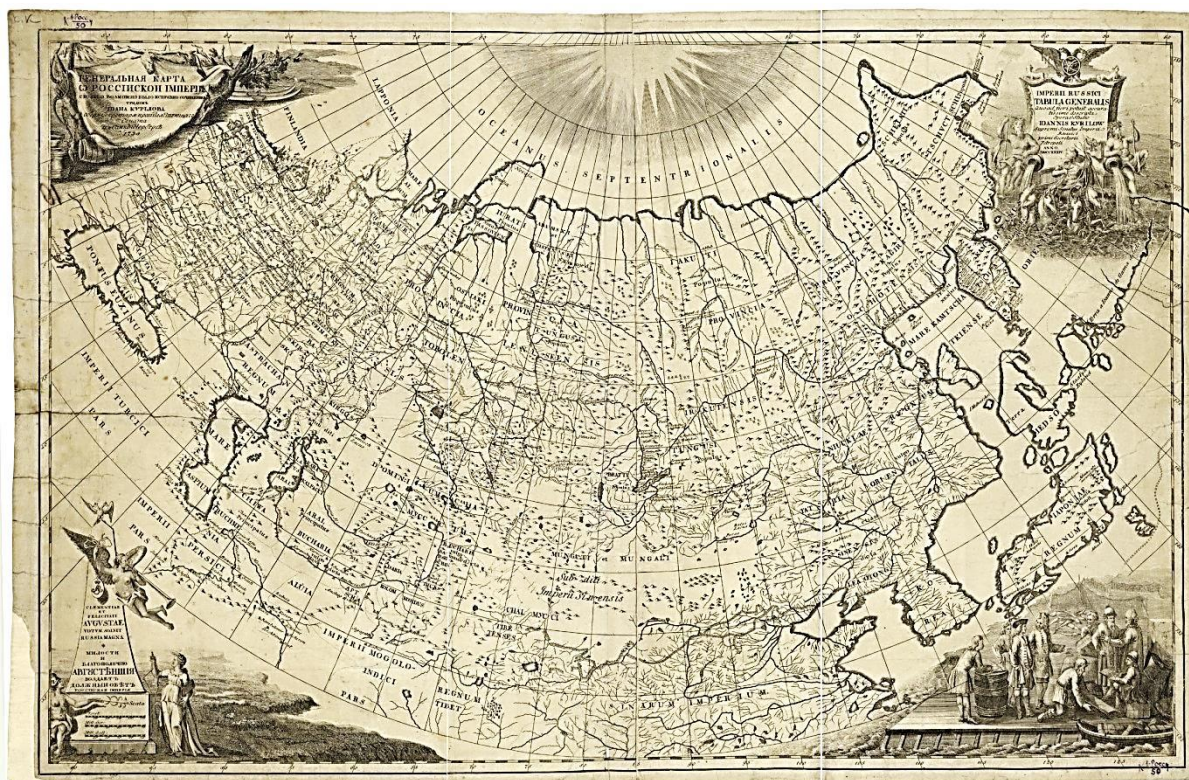
¹⁴ См. там же: Д. 163. Л. 15. 16 об., 19, 19 об.

¹⁵ *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 24.

¹⁶ *Татищев В.Н.* Напоминание на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств // В его кн.: Избранные труды по географии России. М., 1950.

¹⁷ *Татищев В.Н.* Предложения о сочинении истории и географии Российской. 1737 г. // Там же.

ограждён: каменной стеною или деревянною, или земляным валом и рвом. 2. Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные... 9. В городах, буде есть летописцы, присылать с оных копии для сочинения истории российской»¹⁸. О том, что такого рода правительственные циркуляры не остались втуне, свидетельствуют курские материалы. Чертежи курской крепости XVII–XVIII веков активно используются ныне для реконструкции изначальной топографии исторического центра Курска¹⁹; так называемый «Курский летописец» — при изложении истории края в позднем Средневековье — начале Нового времени²⁰.

*Первая печатная карта Российской империи,
изданная Иваном Кирилловичем Кирилловым в 1834 году.
Репродукция с сайта Мультимедийной библиотеки.*

Академия наук в 1778 году расширила ломоносовский вопросник до 35 пунктов, а военно-учебное заведение, особенно заинтересованное геодезией и картографией, — Шляхетский корпус (готовивший из детей дворян, шляхты, младших офицеров) изложил в принципе ту же анкету ещё подробнее. За 1760–1790-е годы с похожими целями комплексное

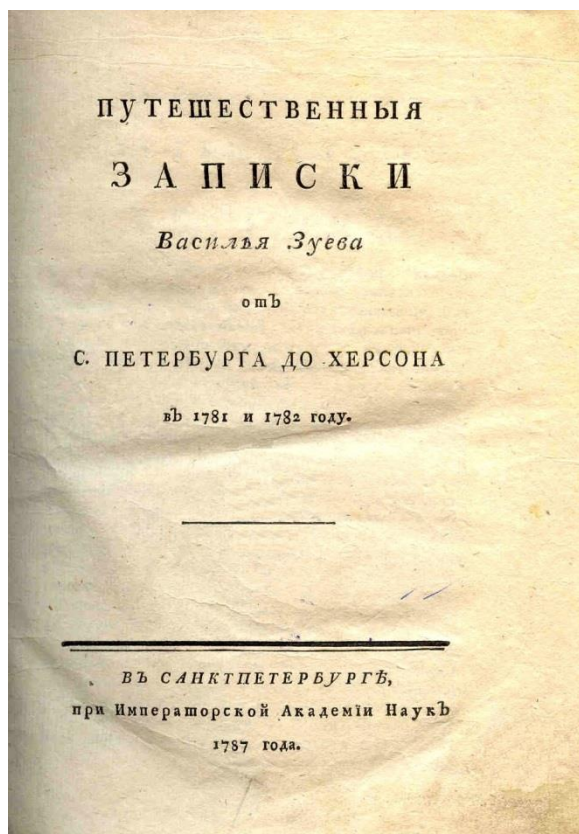
¹⁸ Архив СПб. филиала АН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 8–9. Цит по: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.–Л., 1946. С. 73.

¹⁹ См.: Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

²⁰ См.: Зорин А.В., Раздорский А.И. Курск в XVII веке. Курск, 2001.

обследование территории страны в интересах науки и административной практики путём анкет проводили Императорское Вольное экономическое общество; различные правительственные комиссии — о коммерции и о городах, другие; сам Сенат и прочие инстанции ²¹. Казна искала новых источников налогов; правительство — эффективных мер поощрения промышленности, сельского хозяйства и торговли; учёные — фактов для анализа и обобщения. Составители последовавших за тем описаний отдельных регионов России (включая Курское наместничество) ориентировались на структуру упомянутых академических и правительственных анкет.

По схожей программе, с прибавлениями по естественнонаучной части, поработала в Курске в 1781 году академическая экспедиция из Петербурга в Херсон. Ею руководил *Василий Фёдорович Зуев* (1752–1794) — замечательный представитель первого поколения российских учёных. Эта поездка была предпринята ради осмотра и описания вновь присоединённых к империи земель между Бугом и Днестром, однако её участники собирали материалы по всему маршруту своего движения.

Глава экспедиции как нельзя лучше соответствовал своей должности. Будучи ещё учащимся академической гимназии, 17–18-летним юношей, он участвовал в первом путешествии знаменитого географа Петра Симона Палласа (1741–1811) по Сибири и Забайкалью в 1768–1774 годы. То

---

²¹ *Бакмейстер Л.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Вып. 1. Ч. 3. СПб., 1772.

оказалась лучшая школа науки и практики. При добывании нужных сведений о природе и населении российских провинций Паллас не щадил не себя, ни своих помощников. Зуев проделал с ним весь долгий, полный опасностей и тягот путь от Балтики до Тихого океана; несколько раз и всегда с успехом лично возглавлял отдельные отряды для специальных экскурсий на оленьих упряжках и лодках на Север, вплоть до Ледовитого океана. В рапорте начальству Академик Паллас высоко оценил работу своего юного сподвижника, отметив: «Я должен сего студента хвалить, что он, по данной ему инструкции, всячески старался исполнить, и через то заслужил определённое на прошедший год для студентов моей экспедиции награждение...»²². Зуевские отчёты почти полностью вошли (с указанием авторства студента) в итоговую книгу Палласа²³.

Выросшие под крылом маститого учёного немца из студентов в авторитетных учёных-натуралистов лица продолжили экспедиционное изучение российских окраин. В.Ф. Зуеву поручили поездку в Крым, незадолго перед тем окончательно присоединённый к России. В августе 1781 года небольшой отряд академистов вступил на Курскую землю. Как и по всему остальному пути, Зуев и ассистировавший ему студент-переводчик (с восточных языков) Тимофей Кирияк²⁴ главное внимание обращали здесь на флору и фауну, структуру почв и особенности рельефа местности, прочие геолого-биологические предметы. Так, при въезде в Курск они сделали остановку для того, чтобы облазить действовавшие каменоломни и набрать там «отменных и неизвестных окаменелостей».

Вместе с тем путешественники не оставляли своим вниманием памятники древней и новой истории. Так, Зуев дал подробное описание Коренной пустыни вместе с действовавшей при ней всероссийской — одноимённой ярмаркой. «Пустынь сия когда построена, — отмечает учёный путешественник, — достоверных известий нет; а что народ изустно говорит, то весьма недостоверно; однако я здесь упомяну»²⁵. И добросовестно пересказывает фольклорный сюжет, точь в точь совпадающий с печатными версиями последующих курских бытописателей, церковных и светских, о

---

²² См.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. III. Ч. 1. СПб., 1788. С. IV.

О личности и заслугах В.Ф. Зуева см. подробнее: Райков Б.Е. Академик Василий Зуев (1752–1794) // Труды Института истории естествознания и техники. Т. IV. История биологических наук. М., 1955. С. 244–289.

²³ Цит. по: Муравьев В. Дорогами российских провинций. Путешествия Петра Симона Палласа. М., 1977. С. 72.

²⁴ Тимофей Прокофьевич Кирияк (около 1750–1799) — выпускник академической гимназии. С 1783 года стал штатным переводчиком при Академии. Занимался переводами с немецкого, французского, латинского языков как художественных, так и научных произведений. Служил инспектором и учителем в Смольном институте благородных девиц.

Кроме него, Зуеву сопутствовали рисовальщик и стрелок.

²⁵ Путешественные записки Василья Зуева от С.–Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах. СПб., 1787. С. 144.

случайной находке «звероловом из Рыльска» иконы Богородицы у корня дерева на берегу Тускари и всех перипетиях превращения этой иконы в местную святыню, чудотворную реликвию.

В данном случае сообщение Зуева принципиально важно: документируются легендарно-сказочные истоки официальной версии происхождения этой замечательной реликвии, чей возраст явно завышен как минимум на два-три века пристрастными хронистами Знаменской обители²⁶, кому не критически вторили и вторят до сих пор малосведущие краеведы и неразборчивые журналисты, чиновники, даже преподаватели университетов, не говоря уже о служителях РПЦ.

Едучи от Коренной к губернскому центру по левому, низкому берегу реки Тускари, зуевцы не заметили расположенных на противоположном, возвышенном и поросшим лесом берегу городищ — Переверзевских, Мешковского, Шуклинского. Зато они не пропустили «множества курганов, которые наипаче с западной стороны [города], где вышло чистое поле, стоят будто кучками. Из них, — добавляет Зуев, — которые я видел, все были рыты могилками»²⁷. Это сообщение особенно важно для современных археологов.

Дело в том, что вопрос о курганных могильниках в ближней округе Курска беспокоил его историков с конца прошлого века и до наших дней. Первый исследователь курских городищ Д.Я. Самоквасов даже сомневался, стоял ли языческий город восточных славян в устье Кура изначально или же он переместился сюда уже после принятия Русью христианства. Ведь близ губернского центра в Новейшее время уже не замечалось курганов — обязательных спутников древнерусских городов X–XI веках. Могильные насыпи встречались только в отдалении от Курского городища — возле расположенного несколькими километрами выше по Тускари городища Шуклинского (немного, частью раскопаны советскими и российскими археологами²⁸ и ещё дальше — в Мокве (оказались на поверку не могилами, а природными всхолмлениями-дюнами, что установили раскопки 1994 года под руководством В.В. Енукова). Однако в актах Московского государства сыскалась «отписка» курского воеводы за 1639 год, где упоминались «курганы малые на посаде против Казачьей слободы на государевой

---

²⁶ См. первопечатное изложение анонимом фольклорно-церковной версии основания Коренного монастыря: История о городе Курске, о явлении чудотворного знамения пресвятыне богородицы иконы, нарицаемая курская, о курском Знаменском монастыре и его настоятелях. Сочинённая [А.П. Гиновским] в 1786 году из разных рукописей, грамот царских и патриарших, такожде и из рукописного летописца в Курском Знаменском монастыре находящемся. Курск, 1792. 55 с.

²⁷ Путешественные записки Василья Зуева... С. 154.

²⁸ См.: Зорин А.В. Отчёт об охранных раскопках кургана около деревни Шуклинки Курского района Курской области. 1998 год // Архив КГОМА; *Его же*. Некоторые особенности погребальной обрядности населения Посеймья в конце X века // 60 лет кафедре археологии МГУ. М., 1999.

десятиной земле»²⁹. На этом основании Ю.А. Липкинг, опротестовывая версию о переносе Первокурска, предположил, что «курганы попали под усадьбы, под застройку, и, естественно, они исчезли с лица земли»³⁰.

Процитированное выше наблюдение В.Ф. Зуева весомо подтверждает и конкретизирует этот вывод относительно одного из старейших русских городов. Не только в середине XVII, но и в конце XVIII века значительные по числу насыпей курганники располагались поблизости от исторического центра Курска. Больше всего («наипаче») их сохранялось тогда на северо-западной окраине тогдашнего города, ещё свободной от построек. А северо-запад Курска — это и есть слобода Казацкая, разросшаяся до современных своих пределов много позднее.

С историографической точки зрения интересно отметить, что курганы выделены Зуевым как «единственный знак, древность Курска повествующий», на момент посещения города академической экспедицией — первой в его истории. Просвещённого в лучших западноевропейских традициях путешественника не убедили тогда мнения образованных курян, которые голословно «сказывают в рассуждение древности сего города», будто «здесь было княжение ещё при Олеговых детях, однако в то время город находился будто бы не на сём месте, на котором стоит ныне. Несчастные случаи много истребили известий до истории его касающихся, — объясняет Зуев свой краеведческий скептицизм, — однако рачительный губернатор [Пётр Семёнович Свистунов — С.Щ.] собрал все сии [свидетельства — С.Щ.] довольно обстоятельно и надеюсь со временем удовлетворит любопытству российских историков»³¹.

Просвещённый губернатор Курска (в 1779–1882 годах) так и не удосужился, по всей видимости, обнародовать результаты своих краеведческих разысканий. А вот составленное В.Ф. Зуевым описание Курска и его округа двухсотлетней давности приобрело со временем значение первоисточника. За два с лишним века изменилось очень многое в здешних ландшафтах, а благодаря учёному путешественнику мы немало узнаем о былом рельефе местности, гражданской и церковной архитектуре города, его «промышленности» — заводах, мастерских и прочих хозяйственных занятиях курян разных сословий. С точки зрения археологии особенно примечательно упоминание «перекопа, который сделан от реки Кура чрез мыс к реке Тускарь и тем отделяет монастырь и присутственные места, состоящие будто в крепости»³². Это, конечно, последний, ещё не засыпанный в ту пору ров Курского кремля — важнейший элемент его первоначальной топографии, которая, в свою очередь, служит ключом к реконструкции генезиса нашего летописного центра.

---

²⁹ Акты Московского государства. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 / Под ред. *Н.А. Попова*. СПб., 1894. С. 106.

³⁰ *Александров-Липкинг Ю.А.* Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж. 1972, С. 96.

³¹ Путешественные записки Василья Зуева... С. 154.

³² Там же. С. 151.

Уездные города Курской губернии описаны Зуевым куда короче и схематичнее Курска — он ведь проезжал их, не задерживаясь надолго. За Обоянью, возле деревни Шипы, где «каменная степь», за пять вёрст до очередного — Зоринского яма (станции с переменными лошадьми), внимание зуевской экспедиции привлёк «один нарочитой величины курган, который на ровном поле виден был издалека; он по одиночеству своему заслуживает примечания, да не избыл также примечания и гробокопателей, кои видно покушались в нём найти сокровища не с одной стороны»³³. Перед нами, скорее всего, памятник бронзового века.

Созерцание курских курганов подготовило петербургских путешественников к осмотру и описанию их «собратьев» по Днепру, включая и прославленный впоследствии археологами курган Чертомлык. На выезде же из Курской губернии В.Ф. Зуев успел тщательно пронаблюдать и толково охарактеризовать, измерить и нанести на точный план одно из белгородских городищ, — «то, что на меловой горе по правую сторону Донца и которого явственные следы истории почитают остатками козарского города Саркела»³⁴. Хотя хазарская крепость Саркел — древнерусский город Белая Вежа — с гораздо большей вероятностью был локализован будущими археологами гораздо южнее — на нижнем Дону, в нынешней Ростовской области (Левобережное Цимлянское городище³⁵), зуевское наблюдение опять-таки примечательно: оно соответствует средней стадии разрушения старо-белгородской крепости, которое потом продолжалось усиленными темпами («если ещё где целые кирпичи попадутся, то жители Белгорода не упустят ими воспользоваться»). А городища салтово-маяцкой культуры (так называемой сегодня государственной культуры Хазарского каганата) на Белгородчине ярко представлены. Так что зуевская экспедиция положила начало их изучению.

А в 1793–1794 годах по следам ученика последовал учитель: Пётр Симон Паллас совершил учёное путешествие по южным краям Российского государства. Отчёт о нём заканчивается опять-таки на археологической ноте: «Я заканчиваю здесь описание моего обратного путешествия через Ахтырки, Сумы, Мценск, *красивый город Курск* (курсив мой — С.Щ.), Орёл и Тулу до Москвы тем охотнее, что, кроме этих прекрасных по новому плану построенных городов, оно представляло мало замечательного, и дорога от Москвы до ст. Петербурга, куда я прибыл 14 сентября, была уже часто описываема. Я заканчиваю эту работу видом большого холма у Бронниц, уже описанного в прежнем путешествии и кажущегося мне, несмотря на его величину, работой рук человеческих...»³⁶

---

³³ Там же. С. 168.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ См.: *Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62. М., 1958.

³⁶ *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Отв. ред. *Б.В. Лёвшин.* М., 1999. С. 567.

*Памятник Екатерине Великой в Краснодаре.
Установлен в 1907 году по проекту М.О. Микешина
к 200-летию юбилею Кубанского казачьего войска;
разрушен коммунистами в 1920-м; восстановлен в 2006 году
художником А.А. Аполлоновым. Фото автора.*

При всех талантах, бешеной энергии и здоровом авантюризме таких научных работников, как П.С. Паллас и В.Ф. Зуев, просторы Российской империи не под силу описать одиночкам. В 1770–1790-х годах в стране осуществляется общегосударственная программа топографической съёмки и экономического изучения отдельных регионов. Её подготовила серия упоминавшихся выше анкет. Ещё в 1720 году Пётр I издал серию указов о составлении ландкарт силами академических геодезистов при всемерной поддержке их работы местными властями. Но дюжина картографов не могла, конечно, решить эту задачу в сколько-нибудь обозримые сроки. Хотя *генеральное межевание России* декларировалось несколькими правительственными указами ещё с середины XVIII века, а Екатерина II издала на сей счёт специальный манифест (1765 года), реальные шаги в губерниях предпринимались с 1776 по 1797 год (в соответствии с

инструкцией от 25 мая 1766 года и подробным «Наставлением землемерам» от июня того же года ³⁷).

Губернским и уездным землемерам поручалось выполнение чертежей и карт своей территории (планы частных владений-дач в масштабе 100 сажен на дюйм; уездные атласы масштаба 1 верста в дюйме; губернские карты масштаба 7–8 вёрст в дюйме). А кроме того, им же предписывалось составлять словесные описания соответствующих местностей — «примечания к планам», путём «разведывания от обывателей». Без сбора подобной информации буксовала стратегическая реформа екатерининского века — «Учреждение о губерниях» 1775 года. «Определение территориальных границ губерний и уездов и состава их населения должно быть непосредственно исходить из данных межевания, а осуществление экономических и фискальных задач ... губернскими властями ..., ставило особенно настойчиво в порядок дня вторую [литературную — С.Щ.] сторону работы землемеров» ³⁸.

Среди прочих пунктов общего образца топографического описания в 1783 году Правительствующий Сенат первым означил вопрос: «Когда каждый город начало своё получил» ³⁹. Краткая история населённого пункта стала обязательной преамбулой всех сочинений данного жанра. Землемерам неоднократно (в 1771-м, 1778 годах) напоминалось о необходимости «включать в экономические журналы свои замечания о древних курганах и развалинах, о пещерах и опустевших заводах, о начатых и неоконченных каналах и о других подобных предметах, заслуживающих внимания, с изъяснением о всех строениях, когда они начаты, сколь давно в обветшание пришли и от чего» ⁴⁰.

Хотя «смешивать два ремесла» — в данном случае геодезию и археологию — всегда мудро, топографы кое-какие исторические сведения собирали. По Курской губернии ими оказался отмечен «городок» с валом и рвом в Путивле; в связи с чем они же составили подборку летописных известий об этом городе с 1146 по 1159 (условный летописный) год ⁴¹.

---

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. II. СПб., 1830. № 12474, 12559, 12711.

См. также: Указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» // Там же. № 4224, 5065; Т. XVI. № 11883; Т. XXX. № 23026.

³⁸ См.: *Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953. С. 50.

³⁹ Постановление Правительствующего Сената от 1 октября 1777 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14671.

⁴⁰ *Глаголев А.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые ... при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839. С. 83.

⁴¹ Там же. С. 125–126.

А вскоре в фокус топографического внимания снова попала Коренная пустынь и церкви при ней ⁴².

В одних «Топографических описаниях» историко-археологическое введение оказалось формально-конспективно и даже фантастично, а в других — обстоятельно и поисково-достоверно ⁴³. Применительно к Курску мы имеем, пожалуй, нечто среднее между этими двумя крайностями.

С 1781 года геодезическую съёмку здесь вёл *Иван Фёдорович Башилов* — по воинскому званию поручик, а по должности губернский землемер. Сначала он готовил исходные материалы для генерального плана самого Курска, выполненного центральной «Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы» и утверждённого Екатериной II 26 февраля 1782 года. Затем Башилов осуществил надзор за перестройкой и достройкой города по этому плану. Такие же работы производились им по уездным городам, начиная с Белгорода.

В 1783 году на места поступила очередная анкета по практико-административной и учёной частям — «запросные пункты от Кабинета её Императорского Величества» (Екатерины II). Собственно, было 3 варианта данного опросника — для губерний «вообще»; для городов; для уездов. В первом варианте историческая тематика отсутствовала вовсе, что довольно логично ввиду новизны этих административно-территориальных единиц. Во втором пунктом 8 выражался интерес: «Кем, когда и на какой случай построен [город – С.Щ.] и какими людьми первоначально заселён? 9. Под чьим владением был управляем и каким переменам был подвержен? 10. Какие есть в нём достопримечательности: здания, монастыри, церкви, городские укрепления, казённые дома для судебных мест и для жилья властей...» ⁴⁴. В анкете № 3 наше внимание привлекает пункт 18, предлагавший изложить обычаи жителей и, между прочим, «не обносятся ли между ними какие предания, относящиеся к древним происшествиям, событиям» и «нет ли каких урочищ, кои знамениты по каким ни есть историческим происшествиям» ⁴⁵.

---

⁴² См.: *Глаголев А.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1841. С. 187–192.

⁴³ См. лучшие произведения этой серии: *Рычков П.И.* Опыт казанской истории древних и средних времён. СПб., 1767; *Засецкий А.* Исторические и топографические известия о древности России и частно о городе Вологде и его уезде... М., 1780; *Ильинский Н.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. СПб., 1790; *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание. Сочинено в Чернигове в 1786 году. Киев, 1851; *Митрополит Евгений (Болховитинов).* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии ... Воронеж, 1800.

Историографический анализ сочинений данного жанра см. в кн: *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. Вып. 1. Ярославль, 1988; Вып. 2. Ярославль, 1990.

⁴⁴ Цит. по: *Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания... С. 62.

⁴⁵ Там же.

Кто-то из курян, скорее всего — чиновников генерал-губернаторской канцелярии, добросовестно ответил в меру своих знаний сначала на первый вариант упомянутой анкеты, и получилось «Топографическое Курской губернии описание» за 1784 год. В этом, ценном для своего времени экономико-статистическом документе археолога привлечёт разве что упоминание судьбы здешних укреплений: «Прежде был укреплен и город Курск превеликим рвом и валом, по которому был палисад и оборонительные деревянные башни, но ныне от древности палисада и башен совсем нет..., ров же по Высочайше подтвержденному Е. И. В. 1782 года о построении города плану зарыт...»⁴⁶.

На следующий, 1785 год возник ещё один документ того же рода, но более пространный и подробный: «Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам, сочинённое ... Иваном Башиловым»⁴⁷. Другая рукопись этого же автора за тот же 1785 год называется: «Описание топографическое Курского наместничества с планами городов и картами уездов»⁴⁸. Опубликованы эти манускрипты в своё время не были (а полностью они не увидели света до сих пор; печатались только выдержки из них, причём без особой текстологической подготовки и со слишком кратким комментарием). Однако курские краеведы следующих поколений о них знали, время от времени знакомились с башиловским описанием в московском архиве. Так что в развитии местной историографии труд первого землемера губернии послужил немаловажной вехой, обозначившей переход от донаучно-баснословного к фактографическому, критическому изложению региональной истории, прежде всего Новой.

Древней историей и археологией этот поручик, а впоследствии предводитель дворянства Старооскольского уезда интересовался мало. Заслуживает внимания разве что его комментарий к уже знакомому читателю эпизоду, когда в 1650 год на «Ратьском городище» были «найжены в землю вросшие каменные палаты». Начитавшийся летописей да Н.М. Карамзина, Иван Фёдорович Башилов (1749 – после 1792) остроумно, но голословно предположил, будто «там жил первый князь Изяслав Мстиславич, которому отец в 1125 году дал в удел город Курск». Из архива Знаменского монастыря военный историограф узнал об указе Алексея Михайловича, согласно которому эти остатки каменных построек оказались «выкопаны», а добытый из них камень и кирпич использован для строительства церкви этого монастыря (форму этой плинфы тогда можно было рассмотреть и описать, зарисовать, что называется *in situ*, но Иван Фёдорович не догадался этого сделать). Зато он резонно возражает против чьего-то (из здешних «образованцев» того времени) мнения о расположении

---

⁴⁶ Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 18800. Ч. 1. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Ф. ВУА. Д. 18801. Л. 2–36; Д. 18802, 18803 – атласы Курской губернии.

⁴⁸ Научно-исследовательский Отдел рукописей РГБ. № 6288. Не исключено, что этот документ всего лишь позднейшая копия отмеченного предыдущей ссылкой.

древнего Курска на Рати. Этот город, пишет он совершенно логично, всегда «был на сем месте, на котором существует, потому что имя ему — Курск соответствует имени реки Кур, в середине города протекающей»⁴⁹.

Ещё одно «Описание Курского наместничества» «из древних и новых о нём известий вкратце» вскоре собрал *Сергей Иванович Ларионов* — «того наместничества верхней расправы прокурор» (то есть главный прокурор своего административного региона). Свой опус он умудрился отпечатать в 1786 году в Москве, в «вольной типографии Пономарёва» и посвятить не кому-нибудь, а «его превосходительству, действительному статскому советнику, правителю Курского наместничества Афанасию Николаевичу

⁴⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18801. Л. 20, 22 об.

О жизни и деятельности И.Ф. Башилова см. в моём словаре историков Курского края, печатном или размещённом на сайте «Курск дореволюционный». В 2009–2011 годах я участвовал в исполнении исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда, посвящённого первым описаниям Курского наместничества, вместе с Н.Д. Борщик и А.И. Раздорским. См. об этой работе: *Борщик Н.Д.* Три «Описания Курского наместничества» XVIII века: вопросы историографии, текстологии, публикации архивированного памятника // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Щавелёва. Курск, 2013.

Зубову». Кстати сказать, хотя топографические описания были составлены в конце XVIII – начале XIX века для большинства регионов страны, опубликованы оказались далеко не все из них. Для Курска же книжка Ларионова — вообще «первая ласточка» тиражирования краеведческого сочинения. В этой — печатной форме его основное достоинство. По содержанию книги её автор даёт мало нового по сравнению с манускриптами Башилова. В целом ряде мест основного раздела своей работы — «Современное состояние города Курска и округа его» — прокурор без зазрения совести и каких-либо отсылок или благодарностей пересказывает почти дословно описания землемера. В частности, плагиатирован пассаж о засыпке старого рва при расширении Красной площади губернского центра. Социально-экономическая статистика у Ларионова несколько отличается от башиловской потому, что составлялась чуть позднее. Сведения же об уездах у прокурора гораздо схематичнее — видно, что из губернского центра он выбирался редко.

Зато историком Ларионов оказался куда лучшим. Начальная часть его описания — «Сведение [так, в единственном числе — С.Щ.] о городе Курске с самого начала и о всех в нём знаменитых происшествиях до сих пор случившихся» — занимает целых 33 страницы. На них весьма удачно для своего времени скомпилированы почти все доступные тогда образованному читателю письменные источники местной истории. Здесь и выборки из летописей («в пересказе тайного советника [В.Н.] Татищева»), из «Жития Феодосия Печерского», «Древней Российской виблиофики» Н.И. Новикова и князя М.М. Щербатова, прочих отечественных историографов того времени; «Судебника» Ивана Грозного; писцовых по отдельным уездам и «строельных города Курска книг». Как видно, перед нами первое источниковедчески фундированное сочинение по местной историографии.

Свой труд автор почитает скромным, но необходимым дополнением сочинений «многих знатных мужей» по «истории всего государства». Сочетание общерусских и местных, курских источников — один из важных признаков приближения зарождавшейся краеведческой мысли к научному методу их анализа.

Особенно любопытна попытка исторической географии у С.И. Ларионова. По поводу упоминавшихся в курских сюжетах летописи Воргольском и Липовечском княжествах он предполагает, и не без резона: «Ныне находится в Орловском наместничестве в Елецкой округе село Ворголь, а Липецк был город в Харьковской провинции, теперь же уничтожен; то княжения сии полагать можно бывшими в них по близости места»⁵⁰.

---

⁵⁰ Ларионов С. Описание Курского наместничества... М., 1786. С. 4.

В дальнейшем разные авторы предлагали иные локализации летописных Воргола и Липецка. См. их обзоры: Енуков В.В. Летописные сказания 1283–1284 гг. и география округа Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994. С. 120–126; Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII вв. Курск, 1999. С. 119–120.

Именно к сочинению С.И. Ларионова, скорее всего, восходят некоторые из малообоснованных версий истории Курска, вот уже два века кочующих из одного историко-краеведческого издания в другое. А именно, голословная привязка строительства Первокурска к 980-м годам, когда киевский князь Владимир Святославич «стал ставить города по Десне и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне» в защиту своей столицы от набегов печенегов ⁵¹; некритическое же, вслед за поздней редакцией соответствующего жития, отнесение к 1032 году побега Феодосия из Курска в Киев ⁵²; уже упоминавшийся выше сюжет монастырского фольклора об иконе Знамения Божьей матери, чей возраст более чем в два раза завышается нынешними представителями Русской православной церкви; и некоторые другие.

Послелетописную часть курской истории С.И. Ларионов описывал в основном по материалам, что собрал *Иван Петрович Анненков* (около 1711–1784) — богатый курский помещик, отставной военный, возглавлявший в последние годы жизни губернское дворянство ⁵³. Этот человек сочетал в себе лучшие качества своего сословия — предприимчивость, хозяйственную хватку (за 40 лет курского барства он устроил свои земельные владения) с просвещёнными интересами в искусстве и науке (крепостной театр в имении; богатая библиотека с большим рукописным отделом). Согласно скопированным по заказу Анненкова строельным, степенным и писцовым книгам, церковно-монастырским летописцам из Курска и его уездов, Ларионов излагает факты восстановления крепости Курска «на прежнем месте ровно чрез 360 лет от первого и начального разорения его Батыем»; дальнейших нападений ногайских татар; происходивших здесь событий Смутного времени; о «начальниках Курска от возобновления его до открытия в нём наместничества» — воеводах, дьяках и подьячих, писцах, а затем наместниках и генерал-губернаторах; прочих сюжетах краевого прошлого.

Сведения обо всех владыках Знаменского монастыря и по прочим церковно-историческим вопросам С.И. Ларионов получил от архимандрита

---

⁵¹ Сводку современных фактов и гипотез относительно основания Курска см.: *Щавелёв С.П.* Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь 2. Курск, 1998; Его же. Курск: происхождение имени летописного города // Там же. Тетрадь 4. Курск, 2002.

⁵² Уточнение хронологии курской части Феодосиева жития см.: *Щавелёв С.П.* Подвиг во имя христианских идеалов: образец св. Феодосия Печерского // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996. Анализ остальных реалий первой части того же агиографического памятника в моей книжке: *Щавелёв С.П.* Феодосий Печерский — курянин. Историко-археологические очерки. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2008. 280 с., илл.

⁵³ См.: *Дмитриева В.В.* История провинциального дворянского рода И.П. Анненкова (На материалах Курской губернии XVIII – начала XX века) // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2011.

Амвросия (Гиновского) ⁵⁴ — с 1780 года тот начальствовал в этом главном монастыре края и стал его первым историком. Именно перу Гиновского, скорее всего, принадлежит уже не раз упоминавшаяся здесь книга о Коренной иконе — одно из первых изданий основанной в Курске (ненадолго — с 1792-го по 1804 год) типографии. Благочестивый и, видимо, честолюбивый архимандрит, в отличие от скептического естественника В.Ф. Зуева, не подумал подвергнуть критике доставшиеся ему хроникальные записи своих предшественников по управлению монастырём. «К вящей славе божией» он перепутал крымских татар с батыевыми монголами, и тем самым произвольно увеличил возраст своей и без того славной обители за счёт удревления её главной святыни.

Собственно археологическая тематика в первопечатных книгах курских краеведов XVIII – начала XIX века затрагивается минимально. Так, одно из сражений курян с крымскими татарами приурочено к некоему Думчеву кургану, и Ларионов даёт по этому поводу справку: «Сего звания два кургана имеется в Корочанской округе, при смежности оной с Белгородской и Обоянской округами» ⁵⁵. Как видно, для местных авторов того времени курганы и городища — такие же естественные ориентиры, как реки и дороги; особых ассоциаций с древней историей, покрытой мраком народных легенд, они пока у образованных людей не вызывают.

Как бы там ни было с фантастическими догадками по поводу древней истории города и края, но свод упоминаний Курска и Курского княжества в письменных источниках, обнародованный С.И. Ларионовым, вполне подкреплял его вывод о том, что «знатность древности» этого города «не уступает и многим городам Российской империи». Чтение его книги, первой в своём жанре, при всех лакунах и баснословности отдельных моментов изложения, должно было вдохновлять курских любителей старины на новые разыскания о ней.

Завершающий этап генерального межевания России пришёлся на 80-е – 90-е годы XVIII века, когда в соответствии с постановлением правительства от 1783 года «О составлении генеральных атласов по отмежеванным губерниям» ⁵⁶ таковые были изготовлены и сведены в общий «российский атлас, из 44 карт состоящий...» за 1792 год. В Курске межевание началось в 1782 году (трудами И.Ф. Башилова), а завершено в 1797-м (его преемниками по губернской межевой канцелярии и межевым конторам уездов). Всего по Курскому краю оказалось составлено тогда 6 атласов и

---

⁵⁴ *Алексей Павлович Гиновский* (в монашестве Амвросий) — выпускник Киево-Могилянской академии (1741), затем её преподаватель. Оттуда был переведён в Александро-Невскую духовную семинарию, а уже из столицы в июле 1781-го — в Курск, заместителем Знаменского монастыря. Где и умер в 1800 году. Свою богатую библиотеку — под 300 томов — завещал Курской духовной семинарии. Описание этой библиотеки см.: РГАДА. Ф. 796. Оп. 81. Д. 292. Лл. 15–36.

⁵⁵ *Ларионов С.* Описание Курского наместничества... С. 18–19 (примечание).

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. № 15688 от 15 марта 1783 года.

столько же текстовых «Описаний» к ним. По остальным губерниям карт генерального межевания насчитывалось всего одна-две.

На поощрении картографических работ в Курске могло сказаться одно из пристрастий первого здесь гражданского губернатора (в 1796–1798 годы), сенатора *Степана Даниловича Бурнашёва* (1743–1824). Он в своё время (а именно, в 1783–1787 годах) успешно выполнил дипломатическую миссию при дворе грузинского царя Ираклия II, когда кроме решения военно-политических вопросов ему пришлось составить образцовое историко-географическое описание и карты Закавказья, часть которых впоследствии опубликовала первая курская типография⁵⁷.

Писатель и картограф, полковник и администратор, генерал-майор, сенатор С.Д. Бурнашёв. По кн.: Бурнашёв С.Н. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С.Д. Бурнашёва... СПб., 1901.

Кроме штатных чертёжников из самого Курска, над картами генерального межевания здесь потрудились командированные из столицы специалисты — геодезист Иван Хрущёв (в середине XVIII века), адъютант

---

⁵⁷ См. подробнее: *Степанов В.* Первый губернатор // Курская правда. 1992. 25 марта. С. 4; *Его же.* Так начиналась городская типография // Городские известия. 1996. № 38. 28 марта. С. 3; *Блюм А.В.* Возникновение книгопечатания в Курске // Краеведческие записки. Вып. 3. Воронеж, 1968.

Выйдя в отставку по возрасту, Степан Данилович доживал в своём имении Спасском Фатежского уезда Курской губернии, занимаясь литературным творчеством. Похоронен был в Курске на Всехсвятском кладбище.

Фёдор Чёрный (в 1788 году) и, наверное, другие их коллеги из Академии наук⁵⁸.

К сожалению для современных исследователей и практиков градостроительства, все эти карты оказались рассредоточены по нескольким архивохранилищам Москвы и Петербурга и до сих пор не изучены, в том числе с историко-археологических позиций. Между тем можно с уверенностью предполагать богатые сведения о городищах, курганах, валах; средневековой топонимике на первых подробных чертежах Курского края, выполненных на более или менее современном уровне, но по местности, ещё не изменённой промышленным переворотом.

Николай Александрович Бурдин (1814–1857).

Оружейная палата в Кремле. Групповой портрет сотрудников. 1846 год.

На первом плане — писатели М.Н. Загоскин и (слева от него) А.Ф. Вельтман.

За ними, крайний в группе служителей палаты — Е.И. Забелин.

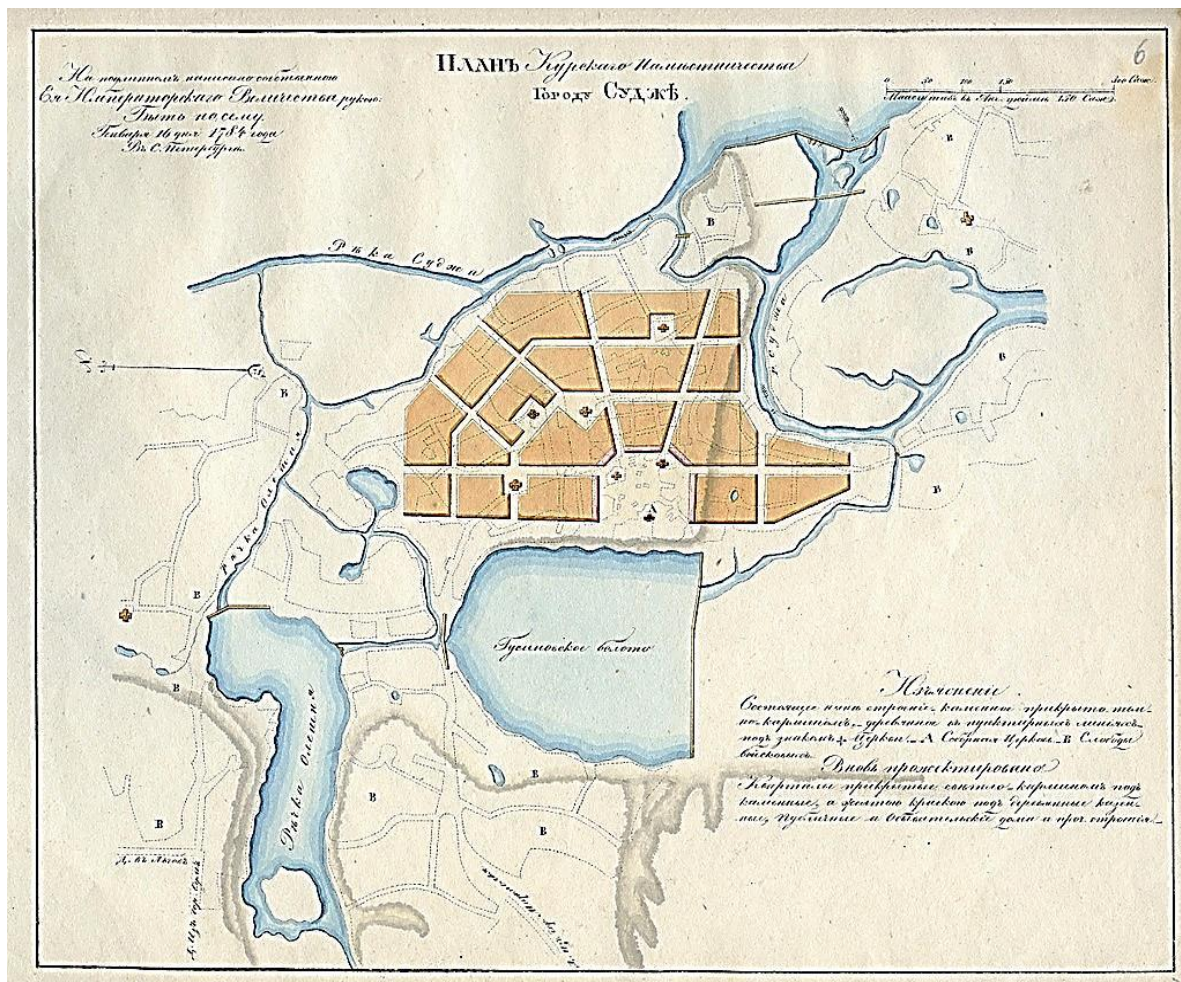
Картина находится в Государственном Историческом музее.

С конца XVIII столетия картографирование и военно-статистическое изучение губерний и областей России последовательно повёл ещё и Генеральный штаб, в котором с 1797 года действовало специальное Депо

---

⁵⁸ См.: Цветков М.А. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953. С. 93.

карт. Его офицеры-геодезисты и тыловики-квартирмейстеры командировались на места, и результатом их экспедиций стали особо точные (масштабом 100 сажен в английском дюйме) карты местностей. Ими в особенности любили затем, вплоть до наших дней пользоваться археологи при собственных полевых разведках и соответствующих чертежах найденных памятников.

План города Суджа 1784 года.
Сайт Википедии.

Кроме собственно военно-технических офицерам-картографам рекомендовалось учитывать прочие характеристики тех местностей, что они чертили и описывали в полевых журналах. Эти прочие аспекты выходили разные — в зависимости от кругозора и способностей того или иного геодезиста. В целом ряде случаев, кроме (говоря современным языком) экологии, социологии и экономики, в поле зрения офицеров попадала история. Например, будущий модный писатель Александр Фомич Вельтман (1800–1870), окончив корпус колонновожатых, несколько лет прослужил по распределению в Бессарабии по военно-межевой части. Кроме внутрислужебных отчётов, он подготовил и в 1828 году опубликовал работу «Начертание древней истории Бессарабии» (земли с богатейшим

археологическим прошлым). Другим частям Российской земли в ту пору ещё не повезло встретить историка в офицерских погонах. А Вельтман ещё стал членом Русского Археологического общества в Петербурге и поучаствовал в издании (с 1845 года) «Древностей Российского государства».

Так, иногородний член Курского статистического комитета, генерального штаба штабс-капитан Н.Тр. Шулешкин по предложению первого здешнего археолога А.И. Дмитрюкова брался даже составить и издать специально археологическую карту этой губернии, но, как видно, так и не исполнил столь благого намерения. До начала 1870-х годов данные о памятниках курской старины оставались не собраны сколько-нибудь систематически, поэтому и картографировать тут в сущности было нечего.

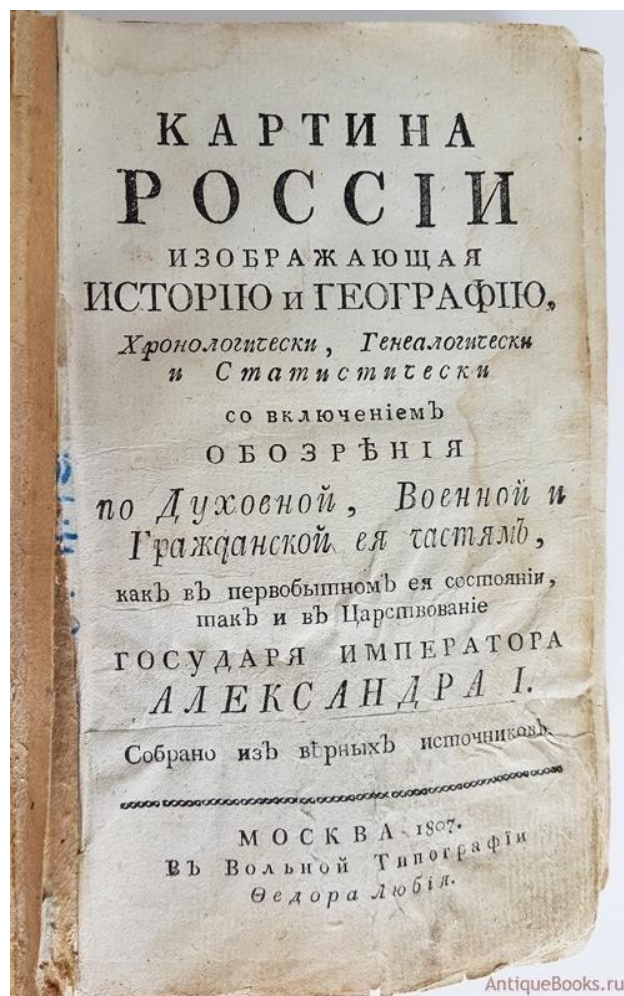
В 1850 году Генеральный штаб опубликовал в своей книжной серии «Военно-статистическое обозрение Российской империи» том «Курская губерния». Его по личным «рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составляли: Генерального штаба подполковник Дуброво и капитан Рельи». Историческая часть тут по-военному лапидарна: справка о летописных реалиях и (особенно примечательная по своей историографической новизне) о заселении края с XVI века разными потоками колонистов занимает неполных три страницы и призвана ориентировать войска по отношению к разным категориям местных жителей. Современному археологу небесполезна топографически точная информация о путях сообщения по Курскому Посеймью. Известно, что дороги в ряде случаев отличаются удивительным, порой многовековым постоянством своего маршрута (что прослежено раскопками по расположению улиц древних и современных Новгорода, Киева, Москвы и других старых русских городов). Так что торные пути Курской округи в тогдашнюю, доавтомобильную эпоху во многом отражали коммуникационную ситуацию, по крайней мере, позднего Средневековья. Имеются в виду прежде всего: Муравский шлях, Сагайдачный тракт (с юга и юго-запада на север), Ромодановский шлях и Свиная дорога (от Путивля к Рыльску и Дмитриеву). Так пригодились имперской России военно-политические знания Московского царства с его «росписями полю», «польским дорогам», о коих я писал выше. Археология во все времена имела не только научно-просветительское, но и прикладное значение.

Своего рода классикой жанра «географической истории» того времени со всеми её достоинствами (в особенности — сохранение оригинальных данных топонимики и вообще хорологии) и недостатками (доверие к непроверенным, явно фантастическим утверждениям народной молвы и образованных псевдопатриотов о прошлом) можно счесть семитомный «Словарь географический Российского государства» (М., 1807–1809), изданный неким А.М. Щекатовым совместно с Л.М. Максимовичем⁵⁹.

---

⁵⁹ *Афанасий Михайлович Щекатов* (около 1753 – 1814 годов) — московский чиновник средней руки (коллежский регистратор, столоначальник удельной конторы). На досуге — беллетрист, как и его соавтор, архивариус и историк-любитель *Лев Максимович*

В этом издании имеется статья о Курске ⁶⁰, умело скомпилированная из всех упомянутых мной сочинений по региональной истории, вышедших к тому времени в свет.

*Ещё одно — 1807 года издание плодovitого Александра Михайловича Щекотова.
Сегодня — лот интернет-торговли.*

На примере уже этой одной статьи обнаруживается отрицательная тенденция в развитии региональной истории и археологии: не критичность в пересказе источников знаний о прошлом; эклектизм в собираніи любой информации, явно или даже будто бы относящейся к предмету рассмотрения; безудержное восхваление любых деяний предков, как героических, так и — на поверку — постыдных.

Максимович (1754–1815). Оба они — активисты масонской ложи «Сфинкс» в Москве, что, может быть, объясняет их доверие к баснословной «истории».

⁶⁰ Курск // Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически наместничества, области и уезды; города, крепости ... и прочие примечательные места. Ч. 3. К–М. М., 1788; Курская губерния // Там же.

И забавно, и печально (в отношении популяризации отечественной истории), когда столь архаичные, требующие особенной критики произведения, каков щекатовский словарь, современные краеведы и журналисты сплошь и рядом цитируют как истину в последней инстанции. Например, в одном из многочисленных перепевов излюбленной «краеведами» темы — «Сколько же Курску лет?» — учитель Н.В. Рязанов отождествлял скандинавских викингов с ... археологическими балтами, приписывая им (?) основание города на реке Куре. Посылкой столь чудесного силлогизма автору заметки служит абсолютно головное предположение щекатовского словаря о построении первого Курска «варягами, первобытными сея страны жителями ... прежде IX столетия...»⁶¹. Эту безумную фразу неоднократно цитировали и прочие «краеведы» советской и постсоветской выделки.

Поучительно отметить, что ещё полтора столетия назад, на заре исторического краеведения в Курске находились более компетентные, научно мыслящие авторы, нежели те, кого мы можем отыскать сегодня среди членов Курского общества краеведов. Оставшийся анонимным исполнитель (А.И. Дмитрюков?) очередного министерского проекта по российской географии в 1854 год писал, в частности: Курск «принадлежит к числу древнейших русских городов, хотя и нет положительных известий о времени и обстоятельствах основания его. ... С этого [покорения северян Олегом Старым в 884 условном летописном году — С.Щ.] времени северяне входят в тесный политический союз с другими славянскими племенами и здешний край делается достоянием русских князей. В эту пору, быть может, и возник Курск. ... Мало исторических сказаний сохранилось о былых веках, только остатки городищ да группы безмолвных курганов ... свидетельствуют о кровавых делах старого полузабытого времени»⁶².

Поступившие из провинции историко-краеведческие сведения с самого начала развития археологического знания учитывались столичными специалистами. В 1809–1810 годы уже специально археологическое — первое у нас такой направленности — путешествие по России совершила очередная экспедиция Академии наук — под руководством её почётного члена Константина Матвеевича Бороздина (1781–1848) и при участии художника, гравёра Дмитрия Ивановича Иванова (1782–1828), который «исполнял чертежи, снимал виды», копии с мозаик; археографа, нумизмата Александра Ивановича Ермолаева (1779–1828). Задумал эту экспедицию и выбил на неё из казны деньги директор Императорской Публичной библиотеки и академик Алексей Николаевич Оленин (1763–1843)⁶³. Среди 15 посещённых ими городов Северной, Центральной и Южной России оказался

---

⁶¹ Рязанов Н.В. Сколько же Курску лет? // Городские известия. № 4. С. 3–4.

⁶² Городские поселения в Российской империи. Т. III. СПб., 1863. С. 3, 51–52.

⁶³ См. о нём: Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. Эту книгу хвалил А.А. Формозов, а он на похвалы был скуповат.

и Курск⁶⁴. Ничего достойного описания из памятников древней истории они здесь не обнаружили. Средневековые храмы да крепостные стены сохранились только на севере страны — в зоне каменного строительства, и коллекция их рисунков, выполненных экспедиционерами, пополнила упомянутую библиотеку (Теперь РНБ). Для чернозёмных городищ и курганов очередь специального описания настанет в недалёком будущем.

Путешественно-описательный подход к древностям российской провинции продержался по крайней мере до середины XIX века. Значимость развалин старинных крепостей, языческих курганников, гражданских и церковных «летописцов» и тому подобных исторических древностей уже вполне осознавалась образованными представителями губернского общества. Однако что и, главное, как, для чего изучать, собирать по исторической, археологической, географической частям, оставалось им не слишком ясным. Провинция, конечно, никак не могла обогнать столицы, тем более в общеакадемических вопросах. Публикации об исторических достопримечательностях и там и тут относились тогда скорее к художественной литературе, публицистике, нежели к науке в современном смысле этого слова.

К тому же нельзя сбрасывать с историографического счёта политического фактора. Ощутимым стимулом к историко-археологическим разысканиям послужил один из идеологических лейтмотивов царствования Николая I — показная забота высшей власти о памятниках отечественной старины. А бюрократы всех рангов всегда держат нос по ветру «высочайшей» воли. И то правда, что нам сегодня нет особой нужды вникать в мотивы, по которым хоть какие-то сведения о постоянно разрушаемых природой и человеком археологических объектах, исторических источниках, потенциально этнографических экспонатах оказались вовремя собраны, сохранены для науки и культуры.

Так, курский губернатор граф Михаил Николаевич Муравьёв в 1830-е годы толково распорядился двумя краеведческими инициативами кого-то из своих подчинённых. Во-первых, он препроводил в Министерство внутренних дел рисунок надгробного камня князя Василия Георгиевича, найденного на «городке» в Путивле, где этот сын Юрия Долгорукого правил последние годы своей жизни (1191–1203). Описание места находки и её самой, вкуче с очерком полулегендарной истории тамошнего монастыря — Путивльского мужского, публикуется в официальном «Журнале Министерства внутренних дел». Среди прочего в статье упоминается снивелированный уже к началу XIX века вал окольного града Путивльского городища. Последнее верно оценивается как «древнейшее укрепление Путивля, с него граждане в 1146 году отражали союзников Изяслава Киевского и в 1159 году Изяслава Давидовича. ... ; супруга храброго князя

---

⁶⁴ См.: *Поленов Д.В.* Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с г.г. Ермолаевым и Ивановым в 1809–1810 гг. // Труды I Археологического съезда. Т. I. СПб., 1871. С. 72–73.

Северского, когда он отправился в степи половецкие, часто встречала восход солнечный и ждала возврата милого...» Заодно анонимный автор статьи, чьё мнение освящалось авторитетом печатного органа самого влиятельного министерства, сетует на утрату ещё 8 подобных камней — надгробий древнерусского времени — «невежество жителей и беспечность начальства допустили разобрать их в фундаменты домов, лишив историю быть может весьма любопытных материалов»⁶⁵. Надо сказать, что археологическая корреспонденция из Курска на страницах этого почтенного полицейского журнала далеко не единственная⁶⁶.

*Выдающийся русский ботаник В.М. Черняев.
Портрет из Википедии.*

Кроме того, курский губернатор поддержал экспедицию харьковского профессора ботаники *Василия Матвеевича Черняева* (1794–1871). Тот в 1836 году пять месяцев осматривал все уезды Курской губернии подряд «в ботаническом отношении», насчитал до двух тысяч «пород» растений и дал свои рекомендации о сохранении наиболее редких из них в ботаническом саду Харьковского университета⁶⁷.

---

⁶⁵ Путивльские древности // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XXII. 1836. № 10. С. 52.

⁶⁶ См.: *Формозов А.А.* Археология на страницах «Журнала министерства внутренних дел» 1830–1860-х годов // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995.

⁶⁷ О произведениях растительного царства Курской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. № 10. С. 53.

Вслед за тем ретивый губернатор поощрил своих чиновников и к изучению «естественных произведений» подведомственной территории — её полезных ископаемых⁶⁸. О палеонтологической отдаче этого предприятия речь пойдёт в одной из следующих глав (о губернской периодике).

Дольше всего — до начала XX века союз географии с историей и археологией продержался у нас в деятельности Императорского Русского Географического общества (ИРГО). В программе его печатных трудов постоянно выделялся пункт «География историческая и история географии». Подразумевались «географические описания стран в разные эпохи их существования», а также исследования «местностей, чем-либо замечательных в историческом отношении»⁶⁹. В энциклопедических изданиях этого Общества — «Россия. Полное географическое описание Отечества»⁷⁰, «Живописная Россия», «Городские поселения в Российской империи» и тому подобных фолиантах отложился минимум информации по истории и археологии отдельных губерний, включая Курскую. Тот минимум, который оказался достижим на основании фундаментального для своего времени свода Н.М. Карамзина (выборки из него сюжетов по отдельным городам и княжествам) и поверхностного осмотра некоторых городищ, курганов и прочих археологических памятников столичными путешественниками и первыми краеведами, жившими в самой провинции.

* * *

Те и другие, как видно из проделанного в завершаемом параграфе рассмотрения, запечатлели немало ценного в «уходящей натуре» древних памятников российской старины. Не случайно именно география послужила своеобразным трамплином для того, чтобы история и археология добрались бы из столичной Академии, Московского университета до провинциальной глубинки. Сочетание фундаментального и прикладного аспектов, естественнонаучной и гуманитарной сторон отличает именно географическую науку и связанную с ней топографическую, геодезическую, геологическую, социально-экономическую практику. На стартовом для отечественной науки этапе историко-археологические знания, тем более регионального происхождения, проще и убедительнее всего было встроить в географическое описание только что сформировавшегося в своих широких имперских пределах Отечества. Тем самым был подготовлен очередной,

---

См. также: *Прокудин Ю.Н.* Выдающийся отечественный ботаник XIX столетия В.М. Черняев. Харьков, 1953. 51 с.

⁶⁸ Журнал Министерства внутренних дел. 1836. № 9. С. 470.

⁶⁹ Подписка на 1851 год. «Вестник Императорского Русского Географического общества» // Курские губернские ведомости. 1851. № 19. С. 191.

⁷⁰ См., например: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семёнова и под общим руководством П.П. Семёнова, вице-председателя Императорского Русского Географического общества, и акад. В.И. Ламанского, председателя Отделения этнографии Императорского Русского Географического общества. Т. II. Среднерусская чернозёмная область. СПб., 1902. 721 с.

гораздо более результативный, серьёзный этап изучения отечественных древностей, на котором отдельные отрасли гуманитарного познания мало-помалу самоопределились.

В следующем параграфе даётся творческий портрет человека, волею судьбы и таланта оказавшегося на стыке этих этапов развития русской гуманитаристики — любительского и профессионального, энциклопедического и специализированного, естественнонаучного и гуманитарного.